

В. П. Аникин (Москва)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА В СВЕТЕ КОМПЛЕКСНОГО АНАЛИЗА ЕГО ТРАДИЦИЙ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

§ 1. Современная фольклористика как историческая дисциплина переживает период становления и обновления. Основой трактовки фольклора стали разные подходы. Назову некоторые: мифологическая интерпретация, этнолого-этнографические толкования, изучение фольклора в свете разных культуроведческих концепций, сравнительно-историческое изучение фольклора разных народов и пр. Подходы разные, но любой из них принимает за аксиому положение, что история фольклора, когда не существовало ранних записей, по необходимости вынуждает к предположениям, носит *гипотетический* характер. Как правило, материалом для воссоздания прошлого фольклора служат немногие свидетельства древних письменных источников, археологические находки. Остро осознано, что, сколько бы ни набралось подобных фактов и свидетельств, их всегда крайне мало для воссоздания истории архаического фольклора.

В ходу давний скептицизм относительно реконструкций и как следствие стремление ограничить изучение фольклора сравнительно поздними временами, когда стали производить записи (XVII—XX в.). Между тем без анализа древних периодов никакая полноценная история фольклора невозможна.

§ 2. Фольклор древнее времени его поздних записей, хотя степень сохранения старины в них разная. Нет слов, в таких записях существенна обновляющая фольклор историческая новизна, но не только она. Отсюда проистекает постановка проблемы — уяснить в фольклоре изначальные основы, подвергшиеся изменениям во времени, но не исчезнувшие. Традиции старинного фольклора без следа не пропадают. Такой подход делает ненужной его реконструкцию по умозрительным схемам, созданным на материале смежных наук: языкознания, этнографии, культурологии и др. В этом подходе нередко видят комплексность анализа. Помощь смежных наук действительно может существенно помочь исследовательскому поиску. Но, как правило, речь идет только о переносе в фольклористику приемов и выводов смежных наук. Подлинная комплексность предполагает анализ собственно фольклора, его традиций. Привлечение выводов и приемов других наук эффективно только тогда, когда *самый предмет* фольклористики — устное творчество, фольклор включает в себя свойства, изучаемые другими научными дисциплинами.

§ 3. Предлагаемая трактовка исторических стадий (общая периодизация) в истории фольклора основана на уяснении его коренного свойства — преемственности творческих актов, *традиций*: как замечено, в поздних записях фиксируется не только новизна времени, но и сохраняемое наследство предшествующих эпох.

Фольклор изначалью был однороден, как та среда, которая его породила. Одинаковыми были потребности людей. Фольклор удовлетворял всех. У его творцов не было иных целей, кроме тех, что были у среды, к которой каждый из людей принадлежал. Художественное начало было лишь сопутствующим моментом их практической деятельности. Такое состояние культуры, включающее в себя *начала* художественного творчества, не ставшего самостоятельной областью

деятельности, именуют синкретическим. *Синкретическое состояние — состояние слитности, нерасчлененности: художественное творчество не отделено от других видов деятельности, и вместе с ними непосредственно включено в практическую жизнь.* Все следы первоначального синкретизма могут быть признаны основой традиционного содержания и форм фольклора. Фольклор составлял многообразную область навыков и знаний первобытных коллективов. Первоначальная культура и в ее составе фольклор закрепляли и передавали от поколения к поколению, из рода в род информацию, заключали в себе всё необходимое для жизни. По этой причине фольклор был *многофункциональным*. Его функцией в составе синкретического комплекса было учить правилам семейно-кланового общежития, поддерживать общепринятые нормы поведения. Осуществлялась эта функция через обычаи и обряды, в составе которых фольклор и входил. Функцию иногда именуют *коммуникативно-мемориальной*. Точнее было бы назвать ее *социально-регулирующей* (в этом значении она была и коммуникативно-мемориальной, то есть сохраняющей и передающей память о бытовых установлениях и поддерживающей правила поведения каждого). У фольклора как части культуры была еще и *познавательно-прагматическая функция*: она состояла в передаче и закреплении знаний, необходимых для труда и самосохранения рода, племени: фольклор осведомлял о повадках зверей, о ведении охоты, о работе в лесу, поле и пр. Эта функция соединялась с *религиозно-магической*: она вышла из системы понятий и представлений. Религиозная функция, вероятно, особенно близкой была к *психологической*, регулирующей строй мыслей и чувств человека.

В ряду функций у фольклора была и *художественная*. С помощью наглядного образа как момента познания люди выражали свои ощущения, представления и понятия, осваивали мир. Образ предполагал восприятие реальности в ритмически и структурно упорядоченных формах. Они были необходимы человеку для самоутверждения в определенном строе эмоций, без чего не бывает плодотворной деятельности — ни умственной, ни физической.

Синкретическое состояние тысячелетиями сохранялось в фольклоре. Фольклорные произведения оставались многофункциональными, но со временем произошел распад первоначального синкретизма культуры, хотя в фольклоре «исторического» времени (от которого дошли письменные свидетельства) по традиции удерживались некоторые свойства его древнейшего состояния вплоть до непосредственного слияния с практической жизнью. Да и в произведениях, свободных от утилитарности, остаточно сохранялись черты того состояния, которое озаменовано слиянием художественного начала с мифологией и обрядами. Соединение утилитарных и художественных качеств менялось в сторону преобладания последних над первыми. В преобразованных формах древнейшее творчество вливалось в творчество последующего времени. Соотношение утилитарных и художественных функций — важнейшая проблема, которая при надлежащем решении позволит понять историческую эволюцию фольклора.

Если принять во внимание изначальность самой связи искусства с практическими функциями и первоначальную неотделимость его от других форм сознания, то надо признать древними все проявления этой связи. Такие свойства у фольклора генетически восходят к эпохе невыделенности искусства из смежных областей общественного сознания и жизненной практики. У славянских народов эта эпоха, несомненно, относится к временам, когда существовали их общность и единство, а конец приходится на время образования отдельных племен и народностей.

§ 4. Историю фольклора можно понимать как историю смены его разных традиционных состояний, что выразилось в истории его родов и видов.

Начальную стадию в истории фольклора можно восстановить лишь ретроспективно и с разной степенью отчетливости. Как сказано, начальное синкретическое состояние в истории фольклора

характеризуется многофункциональностью, неизменным присутствием в фольклоре *утилитарно-бытовых функций*. Фольклор и его виды не выделены из практической жизни, соединены с магией, ритуалом. Художественное творчество *не самостоятельное*. Через это состояние прошли все роды и виды фольклора с утилитарно-практической функцией.

Это касается так называемых *трудовых песен* с их простейшими командами, выкриками, сигналами, подаваемыми по ходу работы. Даже поздно записанные песни хранят эти свойства, хотя их традиционная ритмика уже часть более сложного целого, в котором утилитарность заметно преодолена.

Другим видом древнего творчества, рудиментарно удержавшим в себе первоначальный синкретизм, можно считать *заговоры* с их ритмизированными приказно-волевыми компонентами и общей нацеленностью на достижение практических целей. С течением времен заговоры обросли пояснениями обрядово-магических действий, соединились с мировоззренческими понятиями и представлениями позднего времени, стали включать в себя неосознанно-художественные мотивировки.

Календарный фольклор тоже исконно шел от насущных практических целей людей. Ставший известным нам по поздним записям, он уже включил в себя не только архаические элементы, но развитые, новые, художественные. Первоначальный состав календарного фольклора изменился, но традиция его жанров, как и прежде, предусматривала преследование магических и заклинательных целей. Мировоззренческую основу календарного фольклора составил миф о циклическом мироустройстве, о благоприятном и губительном следствии свершающихся природных изменений. Древняя мысль народа искала средств достичь благополучия, отвратить от несчастий и соединилась с обрядово-магическими действиями, с принесением умиловительных жертв, с заклинанием высших сил. Люди прибегали и к помощи гаданий, толковали о грядущем по приметам.

Аналогичные мысли о житейском благополучии и счастливом продолжении рода пронизывает жанровые виды *свадебного фольклора* как бытового юридического комплекса. Церемония и обрядность закрепляли имущественные и семейные права вступающих в брак. Свадебный фольклор пронизан мыслью о безопасности семьи и рода, рассчитан на благорасположение высших покровителей. Ритуалы и с ними связанный фольклор выросли из житейских помыслов и составили основу произведений обрядово-словесного творчества.

Исходную практическую почву имели и другие виды семейного творчества. Обрядами сопровождали рождение детей, их воспитание, принятие с достижением возраста в число полноправных членов общинных коллективов — это *фольклор воспитания и возрастного равноправия*. Далеко не весь он сохранился в такой степени, чтобы судить о нем как о целом, но его рудименты обнаруживаются во многих произведениях — в частности в сказках, в разных видах детского фольклора. Как целое детский фольклор далеко отошел от начальных традиций и не может считаться архаикой, но в нем заметны отчетливые следы прежней утилитарности, хотя и измененные под влиянием возобладания поздних эстетических и педагогических функций.

Разнообразен фольклор, связанный с обрядами погребения и почитания мертвых. С особенной полнотой он предстает в древнем жанре *похоронных причитаний*. Сила традиций в нем чрезвычайно велика. Связь с практическими помыслами выступает с полной ясностью, хотя исторические изменения коснулись и его.

Древние традиции обнаруживают и другие виды причитаний: *внеобрядовые заплачки*, связанные с отлучением кого-нибудь из семьи из дома на долгий срок и иными подобными случаями. С появлением всеобщей воинской обязанности возникло оплакивание забираемых на службу — *рекрутские причеты*. Приверженность к древним традициям сопрягается с поздними свойствами этого вида творчества. В особенности это касается *солдатских причетов*. Рекрутские и солдатские

причеты как особый вид обрядовых причитаний уже выполняет ряд бытовых, общемировоззренческих функций: они служат и средством психологического выражения бытовых переживания, оценивают жизненную ситуацию расставания в свете устоявшегося воззрения на насильственный тип отлучения близкого и родного человека от семьи как на злодеяние враждебной власти. Напряженность эмоционального строя чувств сообщает причетам неосознанно-художественные свойства. Оставаясь явлением бытового и обрядового творчества, причет одновременно обнаруживает переход к общемировоззренческому творчеству с его особенной многофункциональностью.

Все названные жанры фольклора, так или иначе сохранившие в себе утилитарность и традицию изначальной предназначенности, образуют так называемый *обрядово-бытовой фольклор*. Каждый из его видов выполняет и в позднем существовании бытовую функцию, включен в практическую жизнь, хотя развившееся художественное начало осложнило его, обнаруживая принадлежность и к поэтическому творчеству.

Все проявления синкретизма являются древнейшими свойствами в фольклоре. Существование практического обрядового фольклора, взятого в традиционных основах, характеризует начальный период истории фольклора, длившийся до перехода его в новое историческое состояние. Длительность существования фольклора этого типа в народной культуре разная, но все его роды и виды генетически восходят к стадии первоначального синкретизма.

§ 5. Состояние включенности фольклора в практическую жизнь, сменилось стадией, когда фольклор выделился из быта и вместе с другими формами осмысления реальности отразил в себе новый тип синкретического соединения — *необрядовый мировоззренческий синкретизм*. Произошло отделение результатов умственной деятельности человека *от непосредственного включения в практическую жизнь*. Связь с бытовой реальностью сохранялась, но перестала быть прямой.

Первоначальная религия, мифология как система общего воззрения на мир, юридические правовые представления, многосоставные «натуралистических» понятий, кодекс нравственности, память об историческом прошлом, художественные представления — вообще, все существовавшие в обществе понятия и представления сохранили образовали единый мировоззренческий комплекс.

В его составе устное творчество отделилось от обрядовой практики. У возникавших фольклорных произведений оказываются утраченными практические бытовые цели, хотя такой фольклор остается в пределах преследования разных функций, но только чисто мировоззренческих. Фольклор такого состояния во всех своих видах отличается от предшествующего — его традиции сложились вне обусловленности чисто практическими целями, служат разным, но лишь мировоззренческим целям. Виды этого фольклора не включены в практику трудовой деятельности, не составляют части обрядов и ритуалов, практических магических действий. Степень независимости от обрядов, трудовой деятельности у видов этого фольклора разная, но всегда существует свобода от утилитарности, от включения в практику труда и повседневных дел. Этот род творчества образует *необрядовый общемировоззренческий фольклор*. Традиции его жанров сложились под определяющим влиянием синкретизма этого второго типа. Однако в таком фольклоре идейно-эстетическая функция, как и раньше, тоже не стала преобладающей — она сосуществует с другими мировоззренческими целями в составе единого целого, но это был уже иной фольклор.

Таковы *паремии: пословицы, побасенки, приметы и поговорки*. Область общего мировоззренческого охвата жизни в афористическом творчестве необычайно широка. Это мысли о большом и малом мире человека: мнения и суждения об укладе мирского, общинного существования, о правилах и обычаях совместного труда и жизни, суждения об устройстве

мироздания, о высших природных силах, «хозяевах» стихий, это приметы, мысли о принадлежности человека к месту, где он родился, суждения о своем и чужом, высказывания о деле человеке, его занятиях, обязанностях, юридических и правовых порядках, память о пережитом, прошлом и настоящем. Это обширная область нравственных оценок и суждений, как жить, как воспитывать детей, как чтить предков, мысли о необходимости следовать заветам и примерам, это житейские правила поведения. Наконец, это суждения самого общего порядка — практическая «философия», наставления, как правильно мыслить, своего рода житейская логика. Среди паремий есть и набор традиционных характеристик, клишированных способов выражать идеи в емких и метких формулах, с помощью эмоциональных образных выражений. Словом, функциональность паремий охватывает едва ли не все мировоззренческие области.

Жанры прозы: *предания, бывальщины, былички, легенды* — функционально заключают в себе живую память о пережитом. Это память поколений, усвоенная у предков, и такая, о которой свидетельствовал сам рассказчик: истории о случаях, когда человек сталкивался с «хозяевами» земных, водных, лесных и небесных стихий, с покровителями дома, семьи и рода. К таким рассказам присоединились рассказы о святых, святынях и чудесах — об общении человека, принявшего христианскую веру, с силами высшего порядка. Общемировоззренческая функциональность всей этой устной прозы очевидна и не может быть сведена исключительно ни к одному из видов сознания — в том числе и эстетического. Отделить какую-либо одну мировоззренческую функцию от другой здесь невозможно. Это всегда комплекс мировоззренческих понятий и представлений. С этим связана и многофункциональность каждого из видов такого творчества.

Мировоззренческой многофункциональностью отмечены и жанры *песенного эпоса: былины, исторические песни, воинские песни, духовные песни и стихи*. Героическая *былина* одновременно и память о мифическом прошлом, и выражение кодекса идеального поведения, и запечатление образца общественного поведения, высоко ценимого певцами, прославляемого перед современниками, и занятая история, исполненная полета фантазии. В *новеллистическом* эпосе могли осуждать недостойное поведение сограждан в годину бедствия, а в моменты упадка общественных нравов могла появляться и сатира на общий порядок вещей. Многофункциональность отмечается всеми исследователями эпоса — и нет никаких оснований усматривать в нем либо только историческую память о прошлом, или относить эпос только к искусству.

Каждая *историческая песня* (XIV—XVII в.) вышла из конкретного момента общественного переживания. В песнях содержится публицистическая оценка деяний и поступков реальных лиц настоящего или недавнего прошлого, выразились разные стороны общественного сознания. Это может быть и выражение скорби по поводу политической потери, и политический памфлет, и размышление о необходимости сохранить или, напротив, устранить что-то из общественной жизни, и просто рассказ о памятном событии в его отношении к судьбе живущих. Гамма мировоззренческих оценок в исторических песнях широка и разнообразна, соответствует той общественной среде, в которой песни возникали. Широка и область оценок, захватываемых песнями: это могло быть не только заинтересованное изложение событий, но и отношение певцов к общественному укладу, социальным порядкам как следствию событий или деяний какого-либо исторического лица. Обостренность политической функциональности исторических песен давно отмечена исследователями, которые неизменно сопрягали с публицистической функцией своеобразие художественной трактовки жизненных тем в этом жанре. Нет оснований сводить функциональность исторической песни к какому-либо одному роду — историко-публицистическому или только художественному. В творчестве несомненно сочетание разных функций — и это следствие общемировоззренческого характера историко-песенного рода творчества.

Воинские песни — младшая, поздняя разновидность исторических песен (XVII—XIX в.). Их темы сами свидетельствуют о том, когда песни возникли и кем созданы — в служилом, воинском сословии: стрелецком, казацком и армейском, преимущественно, солдатском. Воинские песни сохраняли память о военных событиях, героях-полководцах, запечатлели мысли и настроения армейской массы, ее чувство воинского долга, гордость победами отечественного оружия. Песни содержат и жалобы на тяготы службы, осуждают преступное поведение армейских казнокрадов. Это целый мир, запечатлевший реальность со своей трактовкой традиционных воинских сюжетов и образов. Достоверность в передаче исторических фактов в соединении с эмоциональной художественностью самой трактовки их обнаруживают такой общемировоззренческий тип творчества, который предполагает одновременное преследование многих целей — передачу информации о памятном событии, приобщение к переживанию участников события или тех, кто близко стоял к ним, вовлечение слушателя в круг этических понятий воинской среды и выход к общей трактовке жизненных тем социального бытия.

Духовные песни — религиозный аналог мирского эпоса, преследует ряд своих особенных целей: несет в себе трактовку мироведческих вопросов, запечатлевает воодушевленное отношение к христианской вере, передает особенное понимание устоев бытия и целей поведения, жизненного назначения человека. Духовные песни проникнуты высокой степенью обобщения и часто переводят религиозную эмоцию в область художественного творчества. К духовным песням примыкают *стихи* как вид творчества, стоящий на особицу и отделяемый от песен и характером исполнения, и близостью к молитве.

§ 6. Фольклор, возникший на основе общемировоззренческого синкретизма, постепенно уступил место фольклору, в котором традиции слитного соединения разных общемировоззренческих функций оказались преодоленными. Возник «художественный фольклор», функционально связанный с преследованием только эстетических целей и в значительной степени не зависимый от других форм осмысления реальности. Это не означает, что фольклор, рожденный в лоне культуры, в которой художественное творчество отделилось от других форм осмысления реальности, обрел сугубо самостоятельное эстетическое бытие. Прежнее синкретическое соединение разных начал заменил *синтез*, комплекс компонентов, уже выделивших, обретших *самостоятельность*. Синтез отличается от синкретического единства тем, что прежде *неразвитые* начала искусства слова и других искусств обрели *развитые* формы и сочетаются с другими видами мировоззрения на правах самостоятельного компонента. Уже в некоторых видах фольклора предшествующего состояния можно заметить возрастающую роль художественного творчества. В итоге исторической эволюции фольклор стал поэтическим по главным и основополагающим качествам, переработав в себе традиции всех предшествующих состояний фольклора. Другие качества и свойства: бытовые и иные мировоззренческие формы осмысления реальности в этом фольклоре сохранились остаточны, стали передаваться *только в образно-художественном виде* и в пределах, которые допущены поэтической функциональностью фольклорного творчества.

Обширную область свободного художественного творчества составляют все виды сказок: *сказки о животных, волшебные, сказки-новеллы*. Сказка — древнейший по происхождению вид фольклора. Ее генезис восходит к самым отдаленным временам. Но жанр сказки преодолел начальное состояния синкретизма (включенность в обрядовую практику и рассказывание мифов), преодолел «генетическую модель». Сформировавшаяся сказка находится в состоянии чисто художественного творчества, когда его мифологическая мировоззренческая основа (и обрядовая) уже преобразована, обратилась в традиционную форму художественного вымысла.

К художественному фольклору относится и *загадка*. Ее традиции восходят к бытовой, так называемой «тайной речи», но от первоначального состояния загадка сохранила лишь традиционные формы уподоблений, идущие от условного тайного языка. Функции загадок в современном быту — развлекательные.

К ранним видам художественного фольклора относятся и *баллады*. Балладная песня как вид песенной эпики не предполагает сопровождения каким-либо обрядом. Она не жанр бытового фольклора. Баллада не может быть отнесена и к общемировоззренческому фольклору. Иных функций, кроме художественных, баллада не преследует. Ее поэтическое содержание самодостаточно. Конечно, балладная песня тесно связана с этическими требованиями к человеку: певец балладной песни исходит из того, что нарушение их ведет к трагедиям и драмам, но запечатлеть кодекс правильного поведения никогда не делается целью. Рассказ о жизненном случае-происшествии художествен, и это его качество главное в балладе. Морализирование и другие этические соображения при рассказе о бытовых трагедиях обнаруживаются только тогда, когда на правах синтеза соединяются с художественными целями.

Столь же художественны по функции *лирические песни*. Они исполняются вне обрядов и в любое время, когда певцу приходит желание петь. Общемировоззренческие функции лирическая песня может обрести только при толковании, а ее тематико-сюжетный, образный строй ее мотивов не связан с запечатлением общемировоззренческих понятий и представлений как функциональной целью пения. Содержание и форма лирических песен исключительно обусловлена только передачей художественных идей и художественных эмоций, а *через них и только* через них, в пределах их могут быть выражены и другие мировоззренческие идеи. Таковы и плясовые песни. Они носят тот же характер, что и лирические песни, но, в отличие от них, соединяются с пляской. Соединение осуществляется через синтез — соединяются при равноправном и раздельном существовании искусство слова и искусство хореографии. Синтез разных видов искусств в фольклоре — нередкое явление: и лирическую песню можно было распеть в хороводе, но из этого совсем не следует, что лирическая песня и возникла вместе и на основе хороводного исполнения.

Свою область с многофункциональной педагогической направленностью, соединенной с художественным творчеством, образует *детский фольклор*. Его жанры распадаются на возрастные разряды. Специфичность детского фольклора состоит в том, что его художественность как преобладающее свойство, как правило, сочетается с педагогической функцией, сообразной с формированием сознания и психики у подрастающего ребенка, воспитанием у него нравственных устоев как личности. Включать детский фольклор в разряд художественных явлений дает основание самый факт преодоления им состояния невыделенности из быта и размежевания с такими формами сознания, как природоведение, физические упражнения и освоение речи и др. Детскому фольклору присуща и функция так называемой социализации (участие в отправлении календарных обрядов взрослых, игры, дразнилки, развлечения и шутки в общении сверстников и пр.). Древность традиций детского фольклора никогда не ставилась под сомнение, но как целое детский фольклор образуют область творчества с преобладанием игровых художественной начал. В детском фольклоре налицо синтез разных родов и видов творчества.

Синтез налицо и в других видах творчества — поздних *зрелищах* и в *театральных постановках*. Доказывать художественность фольклорных зрелищ и фольклорного театра не приходится. Во всем разнообразии жанров и видов (игры, ряжения, «вертеп», кукольные представления и пр.) этот род фольклора неизменно обнаруживает художественную зрелищную и театральную основу. Многие виды фольклорного ряжения, игры имеют давнюю предысторию, относительно которой у специалистов существует много гипотез. Разнообразны и прямые наблюдения, касающиеся самой практики фольклорных представлений у народов. Русский

фольклорный театр типологично сходен с фольклором многих народов. Наблюдается и прямое заимствование театрального фольклора одним народом у другого. Из-за рубежа пришли к нам и обрусели кукольные представления с Петрушкой, вертепная драма.

Отдельный род художественных представлений образует так называемый *ярмарочный фольклор*. Все существенные свойства его жанров вышли из потребности в рекламе, объявления о начале торговли. Заметная утилитарность не повлияла на состав и характер торговой рекламы в такой степени, чтобы отрицать у выкриков и прибауток торговцев самостоятельное творчество с несомненной установкой его на развлечение, о чем прямо свидетельствует балагурье торговцев.

К художественному песенному фольклору новейшей формации относятся *романсы* и *частушки*. Традиции их в фольклоре сформировались под влиянием художественного творчества профессиональной культуры, но они остаются фольклором, так как, кроме усвоения некоторых свойств книжной культуры и авторства, обладают *собственными* традициями, соединившими в едином сплаве качества исторически предшествующего фольклорного творчества и новации позднего творчества, близкого к культуре обновляющейся деревни и города.

На стыке соединения давних традиций фольклора и веяний новой культуры развился и жанр *анекдота*. Анекдот, несомненно, связан с выполнением общемировоззренческих функций, но столь же несомненна и развлекательно-художественная функция его.

§ 7. Предложенная стадийная периодизация позволит многое понять и уточнить в истории фольклора. Но важным будет соблюсти условие — не накладывать ее сверху на устное творчество, не оставлять в стороне чисто исторические обстоятельства, при которых развивалась восточнославянская и русская фольклорная культура. Полноценный анализ не может игнорировать связи устного творчества с историческими условиями, которые в конечном счете и определяют конкретные свойства традиций разного типа.

По мере образования единства русских земель происходило отделение русской культуры и фольклора от культуры и фольклора украинцев и белорусов. Национальная специфика самостоятельно возникла у каждого из восточнославянских народов — она проявилась в особом у каждого народа соотношении традиций первоначального синкретизма, соединения разных мировоззренческих начал, свойств художественного синтеза. Это сказалось на жанровом составе фольклора каждого народа, на своеобразии трактовки жизненных тем, в образности и стиле. Раньше, чем у других, эта специфика возникла в фольклоре русского народа. Многие традиции устного творчества Киевской Руси в их обрядово-практическом проявлении, с печатью своих особенностей мировоззренческого синкретизма были усвоены именно великорусской народностью и определили национальную специфику ее фольклора. Свои преемственные связи с фольклором Киевской Руси существуют и в устном поэтическом творчестве украинцев и белорусов. Однако окончательное сложение белорусской и украинской наций, их культур пришлось на более поздние исторические времена. При всем том древность первоначальных состояний (синкретизм практических обрядовых начал, синкретическое соединение разных видов мировоззрения) и здесь не вызывает сомнения, хотя в украинском фольклоре налицо заметное преобладание художественного синтеза в ряде песенных жанров (в частности, лирических), а в белорусском фольклоре лучше, чем в остальном восточнославянском фольклоре сохранились традиции архаики. У каждого народа сложилась своя система художественных жанров. Своими путями шло у каждого народа и обновление фольклорных традиций, в особенности тех, которые сохраняли в себе возможности для самостоятельного развития.

Сообразно с социальным и культурным развитием история русского фольклора должна быть соотнесена с большими периодами общего культурно-исторического развития: периодом Киевской Руси и временем региональной раздробленности (IX—XIII в.) — период длился до

нашествия ордынских кочевников. В фольклоре по-своему отразилась борьба с завоевателями, соби́рание русских земель в Севере-Восточной Руси и создание централизованного Московского государства (XIV — начало XVII в.). Период возникновения новых общественных отношений (XVII — первая половина XIX в.) поставил хронологические рамки для многих творческих процессов в культуре и в фольклоре.

Общепринятая большинством историков периодизация социально-политического и экономического развития страны позволяет указать на рубежи, которыми отмечено возникновение особенностей в фольклоре. В свою очередь каждый большой период в истории общества и его культуры может быть разделен на менее крупные. В границах IX—XIII в. могут выделены свои периоды: в рамках этого деления можно различить фольклор времени укрепления и расцвета древнерусского государства (IX—XI в.) и фольклор времени региональной раздробленности земель (XII—XIII в.), что весьма определенно сказалось на исторических судьбах песенного эпоса. Дробное деление оказывается важным и для истории былинного эпоса, и, возможно, других видов фольклора.

Эпоха борьбы с татаро-монгольским нашествием и эпоха создания централизованного Московского государства (XIV — начало XVII в.) в фольклоре отразилась на судьбах фольклора XIV—XV в. и фольклора XVI — начала XVII в. Периодизация оказывается существенным для уяснения судеб историко-песенного творчества, для уяснения возникновения внеобрядовой лирики, балладных песен.

Внутри истории XVII — первой половины XIX в. заметны рубежи, с которых в фольклоре пошло существенное обновление фольклорных традиций: это фольклор XVII в. и фольклор XVIII — первой половины XIX в. Соотнесение с общим историческим развитием оказывается существенным для установления новизны в фольклоре и возникновения песен крестьянских мятежей и восстаний, казачьего и солдатского фольклора (воинские песни), для рассмотрения сложения традиций духовных песен, стихов, возникновения романсовой лирики, народной драмы и театра.

Социально-историческая новизна самым решительным образом сказалась на истории фольклора второй половины XIX — начала XX в. Появился новый вид песенного творчества — частушка, и широкой волной разлилось новое песнетворчество в жанре городского романса. В фольклоре XX столетия получили завершение многие процессы, существенно обновившие фольклор не только относительно его репертуарного состава, но и относительно функциональных изменений жанров, обретения ими новых форм существования.

Более детальное конкретное рассмотрение соотношения стадийной периодизации фольклора с периодами социального развития русской государственности и культуры, как и периодизации общественной истории, как она сказалась на фольклоре родственных восточнославянских народов, — тема для иной, отдельной работы.